
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ В СВЕТЕ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ: РАЗРАБОТКИ К. МАРКСА И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Панфилова Т. В.*

К. Маркс не оставил завершённой философии истории, однако его вклад в философию истории неоспорим: материалистическое понимание истории, методология исследования капитализма, предсказание глобализации. В исследованиях современных глобальных процессов следует опираться на разработки Маркса, творчески развивая их, поскольку для осмысления новых явлений требуются новые подходы.

Ключевые слова: философия истории, глобализация, материалистическое понимание истории, методология, капитализм.

Karl Marx left no complete teaching in philosophy of history but his contribution to philosophy of history is obvious: the materialistic interpretation of history, methodology of capitalism research, prediction of globalization. When studying modern global processes one should rely on Marx's propositions and develop them creatively since new phenomena demand new approach.

Keywords: philosophy of history, globalization, materialistic interpretation of history, methodology, capitalism.

Была ли у К. Маркса своя философия истории?

Вклад К. Маркса в философию истории оценивается неоднозначно: с одной стороны, известно его отрицательное отношение к философии истории, в результате чего сам Маркс не стал бы причислять к ней собственные разработки; с другой стороны, столь же известны его идеи о всемирно-историческом уровне развития производительных сил, сопровождаемом установлением универсального общения людей, в ходе чего все народы оказываются зависимыми друг от друга, а «местные ограниченные индивиды сменяются индивидами *всемирно-историческими*, эмпирически универсальными» [Маркс 1955: 34], – идеи, которые сегодня воспринимаются как предсказание глобализации и своеобразная философия истории.

Полагаю, что видимое противоречие позиции К. Маркса по отношению к философии истории не так существенно, как может показаться на первый взгляд. Маркс возражал против нее в том виде, в каком она существовала в его время, в первую очередь против философии истории Г. В. Ф. Гегеля, в наиболее полном и совершенном виде воплотившей идеалистическую трактовку истории. Разрабатывая материалистическое понимание истории, Маркс, видимо, посчитал, что для ее осмысления достаточно общественной теории, опирающейся на принцип материализма, поскольку человеческая история – это всегда история каких-то обще-

* Панфилова Татьяна Васильевна – д. ф. н., профессор кафедры философии МГИМО МИД России. E-mail: panta@inbox.ru.

ственных образований. Тогда, полагал Маркс, никакого абстрактного, то есть философского, теоретизирования по поводу истории просто не потребуется. Даже предсказывая глобализацию, немецкий ученый, вероятно, рассчитывал оставаться в рамках общественной теории, поскольку, как он показал, превращение истории во всемирно-исторический процесс осуществляется в ходе универсализации производительных сил, что, в свою очередь, является результатом развития капитализма. Поэтому политэкономия как научная теория капитализма, согласно Марксу, содержит в себе социальную философию и в то же время является основой для научной истории.

В рамках материалистического понимания истории сближение общественной теории с социальной философией выглядит совершенно оправданным, особенно для того времени, когда под философией истории, в рамках которой осмысливалось общество, понималось «мыслящее рассмотрение ее» [Гегель 2000: 63], причем мыслящим субъектом признавался чистый разум. Однако рассуждая с нынешних позиций, обнаруживаешь, что Маркс нечаянно перешел ту грань, за которой затронутые им вопросы требуют уже чисто философского рассмотрения. Тем более что освещение сущности этих вопросов, как стало ясно сегодня не без его помощи, вовсе не обязательно требовало абстракций, оторванных от действительной жизни. Маркс и обратился к поиску содержательных абстракций, выражающих существенные стороны действительности, которые, как ему представлялось тогда, надо выработать, анализируя конкретное общество с опорой на материалистическое понимание истории, а не «философствуя» на манер Гегеля. Справедливости ради надо отметить, что и Гегель стремился избегать «пустых» абстракций, ибо задача философии, согласно его утверждению, – «постичь то, что есть» [Его же 1990: 55]. Другой вопрос, получилось ли это у него, да и могло ли получиться с опорой на идеализм. В случае же материалистической интерпретации истории граница между общественной теорией и философией истории и не должна быть резкой, что мы и наблюдаем в «Немецкой идеологии».

Где же все-таки разграничение общественной теории и философии истории неизбежно? Достаточно задаться вопросом о том, что представляла собой история до того, как она стала превращаться во всемирно-исторический процесс благодаря универсализации производительных сил капитализма, чтобы стало понятно, что разработанная Марксом общественная теория адекватна для осмысления только капиталистической стадии общественного развития. И если мы не хотим впасть в бессодержательные рассуждения, пользуясь абстракцией «общество вообще», то должны признать конкретность и историческую ограниченность Марксовой теории. Кстати, В. И. Ленин подчеркивал, что научность этой теории как раз и состоит в том, что Маркс отказался рассуждать об «обществе вообще», как поступали его предшественники, а перешел к изучению конкретной общественно-экономической формации: «Маркс говорит только об одной общественно-экономической формации, о капиталистической, т. е. говорит, что исследовал закон развития только этой формации и никакой другой» [Ленин 1941: 118].

Изучив, однако, законы функционирования и развития капитализма, Маркс не мог не задаться вопросами о том, как возник капитализм, что было до него. Первоначально немецкий исследователь разделил всю историю на две формации: капиталистическую и докапиталистическую – и сосредоточился на изучении ка-

питалистической формации. Поскольку докапиталистическую формацию Маркс специально не изучал, для ее характеристики он воспользовался общепринятой схемой деления истории на Античность, Средневековье и Новое время, связав каждый из исторических этапов с каким-то способом производства: рабовладельческим, феодальным и капиталистическим соответственно. Эта схема и вошла в наше обществоведение под названием теории общественно-экономических формаций. Но можно ли считать ее оригинальной разработкой Маркса, соответствующей основоположениям его учения, или это дань общепринятым в то время представлениям?

Начнем с того, что наличие перечисленных этапов в развитии человечества предполагает существование единого исторического процесса, подразделяемого на этапы. Но как тогда быть с уже упомянутым положением Маркса о формировании единой всемирной истории вследствие универсализации производительных сил капитализма? По-моему, эта нестыковка объясняется тем, что Маркс в начале своего творческого пути занимался историей настолько, насколько это было необходимо для понимания капитализма – и только. Что касается всего остального массива исторических знаний, то на первых порах он довольствовался бытовавшими в то время представлениями, полученными им во время учебы. В частности, это относится к европоцентристской установке, явно прослеживаемой в перечислении исторических этапов и справедливо оспариваемой сегодняшней компаративистикой.

Можно ли говорить о вкладе К. Маркса в философию истории, если признано, что целый пласт истории не охватывался разработанной им общественной теорией, а от философии истории он отказался? Полагаю, что не только можно, но и нужно. Дело в том, что, изначально отказавшись от господствовавшей тогда идеалистической философии истории как *целостного учения*, он поневоле вышел на философско-историческую *проблематику* в ходе анализа развития капитализма, важнейшей тенденцией которого, как обнаружил Маркс, является глобализация, то есть распространение капитализма до всемирно-исторического состояния. Отсюда его безусловный вклад в разработку той части философии истории, которая связана с проблемами глобализации, и недоработка тех ее разделов, которые касаются докапиталистического состояния истории.

Надо ли упрекать Маркса за указанные недоработки? По-моему, это несправедливо. Маркс ставил перед собой задачи, за решение которых либо не брался никто из его современников, либо брались таким образом, что решение заведомо исключалось, причем как практически, так и теоретически. С поставленными перед собой задачами Маркс справился наилучшим для своего времени образом. Если сегодня нас беспокоят не решенные им проблемы или проблемы, возникшие уже после его кончины, значит, это наши проблемы и нам их решать. Были ли они в середине XIX в. столь же актуальны, как сегодня, – кто возьмется утверждать? Сегодня мы признаем право каждого исследователя заниматься интересующей его проблематикой. Почему для Маркса нужно делать исключение и требовать от него, чтобы он предложил ответы на все вопросы, волнующие *нас* сегодня? Думается, справедливее было бы выразить Марксу признательность и за разработку принципиально новой методологии исследования общества, не утратившей своего значения до настоящего времени, и за логически обоснованные предсказания

относительно глобализации, то есть такого состояния общества, которое, по выражению Ф. Энгельса, должно вылиться в переход от предыстории к собственно человеческой истории, – переход, означающий «скачок человечества из царства необходимости в царство свободы» [Энгельс 1966: 288]. Наконец, не могу не воздать Марксу должного за то, что он надоумил нас, и меня в том числе, признать, что история не была единой, но становится ею по мере глобализации, о чем мне неоднократно доводилось писать [Панфилова 2013; 2016].

К чести К. Маркса нужно заметить, что он никогда не претендовал на всеведение. Напротив, как указывал Ф. Энгельс в одном из писем, написанных уже после смерти Маркса, «наше понимание истории есть главным образом руководство к изучению, а не рычаг для конструирования на манер гегельянства. Всю историю надо начать изучать заново» [Энгельс 1948: 421]. Маркс так и поступил, о чем свидетельствуют и его идея об азиатском способе производства, и его соображения насчет того, должна ли Россия непременно перейти к капиталистическому строю. Как сбывшееся пророчество звучат сегодня слова, написанные К. Марксом в 1877 г.: «Если Россия будет продолжать идти по тому пути, по которому она следовала с 1861 г., то она упустит наилучший случай, который история когда-либо предоставляла какому-либо народу, и испытает все роковые злоключения капиталистического строя» [Маркс 1948: 314]. Ученый имел в виду историческое своеобразие России середины XIX в. С тех пор у нас был еще один шанс обойтись без «злоключений капиталистического строя» – шанс, осуществленный было в 1917 г., от которого мы (точнее, руководство страны) отказались. Есть ли в том вина Маркса? Доводилось слышать, что если бы не Маркс, мы бы жили в другой стране: более цивилизованной и рыночной. Оставим открытым вопрос о том, а жили ли бы мы вообще, тем более в *самостоятельной* стране, не утратившей суверенитета. Ведь превращение России в полуколонию было наиболее вероятным исходом исторических событий накануне Октябрьской революции 1917 г. Обратимся, однако, к неоспоримым следствиям отказа от очередной исторической возможности. Да, наша страна «цивилизовалась» до такой степени, что стала неотъемлемой частью – точнее, сырьевым придатком – глобализирующегося мира, в котором богатые по-прежнему богатеют, а бедные беднеют, в котором потребление превращено в глобальную идеологию, неизбежным следствием чего становится превращение планеты Земля в одну глобальную помойку, а человека – в потребителя, вытесняемого роботами из сферы производства не только вещей, но и идей, а значит, отчужденного от общества, от других людей и в конечном счете от собственной сущности.

Обеспокоенные ученые ставят вопрос о возможности других вариантов глобализации. Но прежде чем перейти к рассмотрению насущных проблем глобализации, подведем предварительный итог. Итак, Маркс не оставил нам целостной философии истории, скорее всего, не успел выработать такое учение, которое отвечало бы требованиям и всеобщности, и действительности. Зато он внес существенный вклад в методологию изучения общества и истории, снабдив нас инструментарием для исследования нынешних общественно-исторических проблем. Хватит ли нам этих инструментов или надо разрабатывать новые для понимания произошедших изменений – это уже наша забота.

Некоторые проблемы осмысления глобализации

Сегодня, пожалуй, не найдется исследователя, который не признал бы, что глобализация – это палка о двух концах, то есть что у нее есть как положительные, так и отрицательные стороны. Само собой напрашивается предложение усилить ее положительную составляющую и уменьшить отрицательные последствия. Можно ли что-то сделать в этом направлении, и если можно, то как? Отвечая на поставленный вопрос, некоторые ученые, а вслед за ними и политики вырабатывают практические рекомендации по «усовершенствованию» процесса глобализации. Именно по «усовершенствованию», поскольку, по всеобщему признанию, отменить процесс глобализации невозможно: он представляет собой закономерный этап всемирной истории и в этом смысле исторически необходим (спасибо Марксу!). После чего обсуждение переходит в практическую плоскость: можно ли договориться по наиболее острым проблемам, связанным с отрицательными последствиями глобализации как для отдельных стран, так и для человечества в целом; допустимы ли уступки с чьей-то стороны в каких-то случаях; надежны ли прогнозы о последствиях глобализации и как на них реагировать и пр.

Вопросы, безусловно, важные, но все-таки в них ли суть? Все ли ясно с теоретической подоплекой осмысления глобализации, в которой, думаю, без помощи философии истории не обойтись? Если же принимать некоторые теоретические допущения без специального анализа, просто по привычке, велика вероятность получить искаженную картину действительности. Попробуем разобраться.

Выделим два необходимых понятия: всемирная история и человечество. Относительно трактовки единой всемирной истории уже было сказано: вопреки широко распространенному мнению, история не была единой на всем своем протяжении, но становится таковой по мере глобализации. Иначе говоря, история *обретает единство* в ходе глобализации и *становится* всемирно-историческим процессом. Подчеркиваю: *становится*. Завершился ли этот процесс, воплотилась ли глобализация в полной мере – вопрос дискуссионный. На мой взгляд, пока не завершился. Можно было бы и не останавливаться на этом вопросе, если бы не его сопряженность с вопросом о том, сложилось ли человечество как *единое* целое. Ответ на него в значительной мере определяется тем, что мы понимаем под «человечеством»: все люди, когда-либо жившие на Земле, или совокупность людей, чем-то реально объединенных?

Затруднение в ответе на поставленные вопросы вызвано двумя обстоятельствами: во-первых, привычкой пользоваться словами «история» и «человечество» для *обозначения* некоторой реальности безотносительно к теоретическому смыслу указанных терминов; иначе говоря, пользоваться ими как общими терминами, а не как понятиями; во-вторых, двусмысленностью слова «единство», которым мы выражаем и *одинаковость* (например, все люди биологически *едины*, то есть обладают *одинаковыми* биологическими признаками, в результате чего относятся к одному и тому же биологическому виду), и *объединение* в какую-то общность (например, несколько строителей входят в *единую* строительную бригаду, то есть они *объединены* совместной деятельностью, а стало быть, и системой отношений).

Учитывая указанную особенность словоупотребления, относительно которого приходится признать, что оба значения имеют право на существование, важно

определимся с тем, собираемся ли мы *теоретически* осмысливать глобализацию и, следовательно, будем пользоваться *понятиями*, или удовольствуемся *описанием*, для которого приемлемы и *общие термины*.

Сегодня глобалистика выделилась в относительно самостоятельную область исследования, так что специалисты по глобальным процессам наверняка будут претендовать на понятийное их осмысление. В то же время нельзя не признать, что гораздо более распространенным является использование общих терминов. История традиционно представляется как «история вообще», всегда будто бы составляющая единое целое, а человечество – как вся совокупность людей, населявших когда-либо Землю и в силу этого тоже будто бы составляющих единое целое. В качестве довода в пользу подобного словоупотребления обычно приводится ссылка на то, что все мы живем на одной планете, а значит, изначально обречены на то, чтобы быть частями единого человечества, тогда как происходящие с нами события и явления по той же причине составляют в совокупности всемирно-исторический процесс. Убедительно ли такое соображение? На мой взгляд, нет, поскольку отсылает нас к формальному основанию, не затрагивая сущности изучаемого явления.

В самом деле, из того, что жители Европы много веков ходили по той же самой Земле, что и индейцы майя, хотя и с другой ее стороны, никак не следует, будто они составляли единое человечество. Это европейские ученые теоретически подвели разные народы под единое понятие «человечества» после того, как европейские завоеватели *практически* столкнулись с неизвестным им населением американского континента, за счет которого начали обогащаться, другими словами, когда насильно начали включать неизвестное им прежде население в международное разделение труда. А если бы своевременно не столкнулись? Правомерно ли было бы говорить о «человечестве»?

То же самое можно сказать и о всемирной истории. Если бы не так называемое открытие Америки, а точнее, столкновение европейцев с населением Америки (как, впрочем, и других частей света), правомерно ли было бы рассуждать о «всемирной истории»?

Сегодня подобные соображения могут показаться излишними: ведь «открытие» Америки – и не только Америки! – состоялось. Но давайте будем последовательны: вот когда оно состоялось, тогда и сложилась реальность, адекватным выражением которой является понятие «всемирная история». Точно так же и с «человечеством»: когда различные общественные образования замкнулись в единое целое (или хотя бы начали складываться в единую систему), тогда и возникло человечество. Другими словами, и всемирная история, и человечество – это исторические образования, возникшие в определенное время и при определенных условиях.

Когда же история становится всемирной? – Как показал К. Маркс, по мере распространения капиталистического способа производства за пределы отдельно взятых стран и становления мировой капиталистической системы. Иначе говоря, всемирно-исторический процесс опирается на международное разделение труда, навязанное странам и народам в результате распространения капиталистического способа производства, универсальность которого проявляется в том, что ему безразличны местные национальные и культурные особенности: он с легкостью пре-

одолевают любые внешние границы и препятствия. Единственное, что способно его ограничить, – это, как показал Маркс, порожденная им самим его противоположность. Но это особый вопрос, который мы не будем здесь затрагивать.

Итак, глобализация имеет *исключительно* капиталистическую природу. Вопрос о том, могла ли глобализация проходить как-то по-другому, не капиталистическим путем, – из области домыслов. Сюда же относятся предложения считать первыми попытками глобализации возникновение обширных империй, претендовавших на мировое господство: например, завоевания Александра Македонского или Римскую империю. Боюсь, что здесь зафиксировано чисто поверхностное сходство, тогда как наша задача – разобраться в сущности такого исторического явления, как глобализация. Вопрос о том, что побуждало какого-то государственного деятеля или полководца завоевывать другие страны и народы, хоть и представляет безусловный интерес, но он относится к другой области исторического знания. Действовала ли там схема А. Тойнби «вызов – ответ», или особенности «материального производства непосредственной жизни» (Маркс) подталкивали руководителей государств и народов к решительным действиям, или они руководствовались какими-то соображениями, непонятными современному человеку, поскольку они не укладываются в привычные схемы нашего мышления, – все это самостоятельные исторические проблемы, сходство которых с явлениями глобализации – если таковое обнаружится – еще надо обосновать.

Возвращаясь к вопросу о природе глобализации, хочу еще раз подчеркнуть, что глобализация – насколько мы ее знаем, ибо поневоле в ней участвуем – это тенденция капиталистического производства. Сегодняшний глобализированный мир – это закономерный этап всемирно-исторического процесса, опирающегося на международное капиталистическое разделение труда. Не вижу никаких оснований полагать, будто глобализация – свойство истории вообще. «История вообще» – это бессодержательная абстракция, как сказал бы Г. В. Ф. Гегель.

Будучи производной от капитализма, глобализация несет в себе все его характеристики. Нынешняя мировая элита так же заинтересована в бесперебойном и гладком функционировании глобальных процессов, как прежние капиталисты – в четкой работе промышленных предприятий. Стало быть, противоречия глобализации будут воспроизводиться с тем же постоянством, что и противоречия «классического» капитализма, хотя и в максимально сглаженном виде, благодаря новым средствам воздействия на психику с помощью СМИ и рекламы.

Применительно к человеку противоречивое влияние глобализации налицо. С одной стороны, человек развивается по мере развития производительных сил в качестве их субъекта; с другой стороны, по свидетельству Маркса, человек в процессе капиталистического производства занимается самоотчуждением, лишая себя человеческой сущности. Капитализм нуждается в функциях, а не в людях, поэтому обеспечивает условия для бесперебойного функционирования носителей капиталистических производственных отношений, а вовсе не для развития личности как самодовлеющей ценности. Глобализация усиливает эти тенденции, содействуя атомизации личности, ее оторванности от своих корней, от родных и близких. Важнейшим следствием «вымывания» из человека его существенных свойств оказывается кризис идентичности, который ряд ученых-обществоведов вполне

обоснованно оценивает как «центральный конфликт глобализации» [Федотова и др. 2008: 388–394].

Тенденция заменять людей роботами некоторое время тому назад воспринималась как проявление научно-технического прогресса и в общем-то оценивалась положительно, поскольку речь шла о промышленных роботах, заменяющих человека на тяжелых и опасных работах. Ныне, когда пропагандируются, например, «секс-роботы», стало очевидно, что объективный смысл роботизации состоит не в том, чтобы облегчить человеку жизнь, а в том, чтобы вытеснить из нашей жизни все человеческое. На помощь роботизации приходит либерализм. Традиционно отстаивая свободу человека от внешних форм принуждения, сегодня он содействует освобождению от человеческого содержания, которое, по мнению либералов, привязывает человека к другим людям и к обществу в целом, что и рассматривается как разновидность принуждения. С чем же остается человек? Получается, чем он бессодержательнее, тем свободнее. У него не должно быть прочных связей не только с его культурой или соотечественниками, но даже и с его физиологическими особенностями. Вот они, корни проблемы идентичности! Нет ничего устойчивого. Устойчивы только пустые формы типа «прав человека».

Все это означает, что история обесчеловечивается. Вот чего Маркс не мог предвидеть! Ему представлялось, что к середине XIX в. отчуждение человека достигло предела, следствием чего станет социальный взрыв. Оказалось, что нет предела «совершенству», даже если «совершенствуется» процесс расчеловечивания. Пока мы можем утешать себя тем, что еще не весь мир полностью глобализировался, как и не сложилось еще единого человечества. Однако события, связанные с наплывом мигрантов в Европу, свидетельствуют о том, что процесс продолжается в прежнем направлении: идет расчеловечивание через глобализацию. Чем бы ни объясняли западные политики необходимость привлечения мигрантов в развитые страны, сколь бы благими намерениями они ни руководствовались, объективно они работают на глобализацию, ускоренно втягивая значительные группы населения Земли в единое человечество и единый исторический процесс. Высокие жизненные стандарты являются хорошей приманкой для населения мировой периферии. В крайнем случае процесс «объединения» можно и подстегнуть, развязав в периферийных странах вооруженный конфликт – во имя свободы и защиты прав человека, разумеется.

Не возьмусь утверждать, будто все без исключения «поборники прав человека» – лицемеры и сознательно прикрывают показным милосердием свою работу в интересах «глобализаторов». Допускаю, что среди них есть действительно доброжелательные люди, искренне пытающиеся облегчить участь беженцев. Но как бы то ни было, здесь имеет место несовпадение объективных законов общественного производства – в данном случае законов капитализма в его глобальной стадии – и субъективного восприятия происходящего. Сторонники либеральной миграционной политики, возможно, думают, что защищают интересы обездоленных, но объективно содействуют процессам глобализации во всей их противоречивости, особенно обострению проблемы идентичности. В очередной раз Маркс оказался прав: в конечном счете объективная закономерность проложит себе путь через действия отдельных людей, не подозревающих об этом.

Можно ли что-то исправить в существующем положении вещей? Поставленный вопрос при всей его невинности способен расколоть Россию на два лагеря. Один лагерь составляют люди, в принципе согласные с Марксом в том, что глобализация – закономерный этап развития капитализма и вносить в нее поправки равносильно попыткам исправить недостатки капитализма: сиюминутные усовершенствования не возбраняются, иногда и нужны, но они – уввы! – не в состоянии изменить суть капиталистического общества. Другой лагерь составляют поклонники либерализма, считающие, что существенных изменений в самой глобализации и не требуется; если что-то и надо исправлять, так это положение России в глобализирующемся мире. В вопросе о том, чего следует добиваться России в сложившихся условиях, в стане либералов наблюдаются разногласия: одни считают, что России надо постараться войти в «золотой миллиард» и стать полноправным конкурентом «цивилизованных» стран; другие полагают, что для нашей страны подойдет любой вариант вхождения в глобальные процессы, в том числе и нынешнее ее положение в качестве сырьевого придатка «цивилизованного» мира. Хотя в первом случае предлагается повышение статуса России на международной арене, что в глазах обывателя выглядит предпочтительным, в отличие от второго, низводящего страну до положения полуколонии, в обоих случаях признаются неизбежными такие проявления глобализации, с которыми вряд ли стоит мириться: социальная несправедливость, хищническое отношение к природе, перспектива расчеловечивания человека, а вслед за ним – и истории. Более того, поклонники либерализма закрывают глаза на то, что либерализм, став господствующей идеологией, превратился в свою противоположность, и сегодня правомерно говорить уже о «либеральном тоталитаризме» [Видоевич 2010: 167–168]. В самом деле, все виды «свобод», некогда провозглашавшихся поборниками либерализма, свелись к свободе потребления, разумеется, для людей состоятельных. Всем остальным, согласно либеральной доктрине, никто не мешает стремиться стать состоятельными, значит, они «свободны».

Устраивает нас либеральная перспектива в любом ее варианте? Меня – нет. Тогда остается работать на преодоление капитализма, прекрасно понимая, что речь идет не о сиюминутном акте, а о длительном процессе, субъект которого, впрочем, еще не сложился. Понятно, что им не может быть пролетариат в прежнем смысле слова, а кто может – пока открытый вопрос. Ясно лишь, что в условиях расчеловечивания истории исторический субъект подменяется субъектом глобализации [Панфилова 2013: 52–55], что чревато утратой исторической субъектности как отдельным человеком, так и целыми странами.

Можно ли что-то противопоставить устранению исторической субъектности? Полагаю, что такая попытка уже предпринималась. Имеется в виду опыт формирования новой исторической общности – советского народа. Хотя опыт едва ли можно назвать удавшимся, все-таки он представлял собою попытку создать нечто принципиально новое в истории, а именно: новый исторический субъект. Важно подчеркнуть, что новый субъект формировался не в теории, а на практике, в совместной созидательной деятельности [Ее же 2017: 107–110]. Думаю, что этот опыт следовало бы продолжать и расширять, а не отказываться от него.

Некоторые надежды внушает движение ноосферизма [Субетто 2011], опирающееся на разработку идей В. И. Вернадского и в то же время содержащее практические выходы в социальную проблематику с опорой на марксизм. Правда, что удастся реально сделать в этом направлении, пока не совсем ясно. Тем не менее работа значима как в теоретическом, так и в практическом отношении, чему, однако, противодействуют господствующие тенденции глобализации.

* * *

Итак, К. Маркс внес достойный вклад в представления о глобализации. С ним нельзя не считаться, но нельзя им ограничиваться. Необходимо разрабатывать новые подходы, опираясь на достижения предшественников.

Литература

Видоевич З. Либеральный тоталитаризм // Роль конфликтологии в обеспечении сотрудничества государства, бизнеса и гражданского общества: материалы III международного конгресса конфликтологов: в 2 т. Т. 1. Казань : КГТУ, 2010. С. 167–168.

Гегель Г. В. Ф. Философия права. М. : Мысль, 1990.

Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. СПб. : Наука, 2000.

Маркс К. В редакцию «Отечественных записок» / К. Маркс, Ф. Энгельс // Избранные письма. М. : ОГИЗ, 1948. С. 313–316.

Маркс К. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч.: в 50 т. 2-е изд. Т. 3. М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955.

Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? / В. И. Ленин // Соч.: в 40 т. 4-е изд. Т. 1. М. : Полит. лит-ра, 1941.

Панфилова Т. В. О пользе и вреде философии истории. Saarbrücken : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013.

Панфилова Т. В. Конец истории: мрачное пророчество или логически обоснованный вывод? // Философские науки. 2016. № 5. С. 7–23.

Панфилова Т. В. Культурная революция: размышления о прошлом в назидание будущему // Концепт: философия, религия, культура. 2017. № 4. С. 104–115.

Субетто А. И. Манифест ноосферного социализма / под науч. ред. Н. В. Егоркина. СПб. : Астерион; Изд-во КГУ им. Н. А. Некрасова, 2011.

Федотова В. Г., Колпаков В. А., Федотова Н. Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. М. : Культурная революция, 2008.

Энгельс Ф. Письмо К. Шмидту / К. Маркс, Ф. Энгельс // Избранные письма. М. : ОГИЗ, 1948. С. 420–422.

Энгельс Ф. Анти-Дюринг. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1966.